

Замятин Д.Н.

**ПРОСТРАНСТВО И ГЕТЕРОТОПИЯ:
К СЕМИОТИКЕ МЕТАГЕОГРАФИЧЕСКОГО
ВООБРАЖЕНИЯ[®]**

*Высшая школа урбанистики им. А.А. Высоковского,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, metageogr@mail.ru*

Аннотация. Гетеротопия – пространство, презентируемое различными образами мест; эти образы мест могут быть несовместимыми или слабо совместимыми друг с другом. Географическое воображение, взятое в его феноменологически-нarrативном контексте, обеспечивает реальную географию и топографию региона. Пространственность осуществляется онтологически как развертывание налагающихся друг на друга, трансформирующихся друг другом географических образов. Онтологизм места выявляется множественностью его автономных ландшафтов, становящихся несмешивающимися гетеротопиями. Гетеротопии сопротранствуют сами себе посредством все умножающихся ландшафтов.

Ключевые слова: пространство; гетеротопия; семиотика; воображение; метагеография.

Поступила: 02.08.2019

Принята к печати: 17.08.2019

Zamyatin D.

Space and heterotopy:

To semiotics of metageographic imagination

Vysokovsky Graduate School of Urbanism,

National Research University Higher School of Economics,

Moscow, Russia, metageogr@mail.ru

Abstract. Heterotopy is space represented by different images of places; these images of places may be incompatible or poorly compatible with each other. Geographic imagination, taken in its phenomenological-narrative context, provides the real geography and topography of the region. Spatiality is carried out ontologically as the deployment of overlapping geographic images which transforming each other. The ontology of a place is revealed by the multiplicity of its autonomous landscapes, which become immiscible heterotopies. Heterotopies propagate themselves through ever-multiplying landscapes.

Keywords: space; heterotopia; semiotics; imagination; meta-geography.

Received: 02.08.2019

Accepted: 17.08.2019

Название этого исследования само по себе требует пространственного отношения (отношений). Желательно определить «места» понятий пространства, гетеротопии, метагеографического воображения в их взаимозависимости, создающей специфическое пространство. Где пространство в гетеротопии? Где гетеротопия находится в пространстве? Что есть метагеографическое воображение, «размещающее» оба предыдущих понятия друг в друге, раздвигающее новое пространство и двигающееся этим пространством?

Понятие знакового места: прикладная символика географического воображения

Знаковое место – пространство (территория, акватория, ландшафт, урочище), имеющее определенные семиотические характеристики в рамках конкретного метапространства (пространства, обладающего по отношению к знаковому месту большей семиотической размерностью) [Замятин, 2005; Замятин, Замятин, 2007; Замятин, 2004]. В геометрическом плане знаковое место может представлять собой с известной степенью абстракции точку, линию и / или определенную площадь. Знаковым местом могут быть здание (светское здание, религиозное здание – церковь, храм,

колокольня; просто здание – визуальная доминанта ландшафта), площадка перед зданием, комплекс зданий (замок, центр средневекового города, монастырь и т.д.), искусственное сооружение (например, насыпной курган или пирамида из камней, поминальный крест и т.д.), вершина горы, холма, или сам холм, болото, водный источник (ключ), река, озеро или их береговая линия, какой-либо памятник или территория с ним рядом или вокруг него, разграничительная линия искусственного происхождения (например, Берлинская стена), населенный пункт, природное урочище (поле, поляна, луг, лесная опушка, балка, овраг и т.д.) – в целом любое географическое пространство, осмыслияемое (наполняемое экзистенциальными смыслами) с помощью историко-культурного, социального, политического, географического воображения на основе реальных или вымыщленных событий (например, место битвы, место политического решения, место рождения или кончины конкретного человека, место, связанное с экзистенциальным жизненным поворотом, место вознесения святого на небо и т.д.).

Знаковые места являются неотъемлемыми элементами культурных ландшафтов [Cosgrove, 1984; Studing..., 2003; Каганский, 2001]; благодаря знаковым местам культурные ландшафты обладают базовыми семиотическими уровнями, на основе которых возможны дальнейшие геосемиотические, мифогеографические и образно-географические интерпретации. К знаковым местам можно в широком смысле отнести *культовые и сакральные места*; знаковость культовых мест, как правило, довольно насыщена, однако ограничена в силу естественной ограниченности самих религиозных сообществ. Знаковость места в целом определяется теми сообществами или отдельными личностями, которые могут либо воспринимать семиотические / смысловые коннотации, задаваемые данным местом (в том числе и в рамках культурного туризма, с помощью экскурсовода или без него), либо устойчиво их воспроизводить в целях поддержания собственной *территориальной (региональной)* идентичности, либо автономно создавать и разрабатывать семиотические коннотации данного места (исходя из конкретных знаний о месте, образа / географического образа места) в каких-либо профессиональных, социокультурных, политических и экономических целях, либо конструировать непосредственные экзистенциальные стратегии, опирающиеся на образ данного места (в таком случае место становится totally, абсолютно зна-

ковым, как бы диктуя свою собственную, в онтологической перспективе, событийность) [Tuan, 2002]. Знаковые места являются также культурно-ландшафтными репрезентациями локальных (пространственных, региональных) мифов [Рахматуллин, 2001; Рахматуллин, 2004; Митин, 2004; Митин, 2007], функционирование и воспроизведение которых как устойчивых нарративов невозможно без конкретных, достаточно регулярных и семиотически насыщенных топографических событий и манифестаций (в том числе религиозных и светских праздников, гуляний, крестных ходов, торжественных молебнов, различных местных конкурсов, связанных с известным знаковым / мифологическим событием, установок памятников или памятных знаков, научных / краеведческих конференций и т.д.). Смыловыми коррелятами понятия знакового места можно рассматривать понятия *места памяти и символической топографии*, поскольку семиотические и другие интерпретации знаковости определенного места связаны, как правило, с конкретными локальными традициями (как индивидуальными, так и групповыми) мемориализации и символизации важнейших событий прошлого, становящихся, таким образом, актуально, или хотя бы потенциально, значимыми в настоящем [Франция-память, 1999].

Понятие знакового места используется в *культурной географии* и *культурном ландшафтоведении*, географии туризма, *гуманитарной географии*, в том числе в *мифогеографии*, *когнитивной географии* и *имажинальной (образной) географии*, в архитектуре и районной планировке, маркетинге территорий [Маркетинг..., 2005], когнитивной психологии, локальной истории и микроистории. Проблематика знаковых мест оказывается ключевой при анализе столь важного для современных гуманитарных наук понятия, как гетеротопия.

На стыке гуманитарных наук: К пониманию гетеротопии в контексте метагеографии

Гетеротопия – пространство, репрезентируемое различными образами мест, причем эти образы мест могут быть несовместимыми или слабо совместимыми друг с другом. Первоначально понятие гетеротопии развивалось в рамках биологии и медицины,

где под ней подразумевается изменение места закладки и развития органа у животных в процессе онтогенеза. Сам термин введен немецким естествоиспытателем Э. Геккелем в 1874 г. Впервые понятие гетеротопии переосмыслено в рамках гуманитарных наук французским философом и историком Мишелем Фуко в работе «Другие пространства» (написана в 1967, впервые опубликована в 1984 г.) [Фуко, 2006]. Описание гетеротопии, по Фуко, называется *гетеротопологией*. Возможность появления гетеротопии связана с тем, что одно и то же пространство (территория, акватория, *ландшафт*) может использоваться, восприниматься и воображаться различными сообществами, группами или отдельными людьми с разными целями и в рамках совершенно различных представлений (бытовых, возрастных, гендерных, профессиональных, социокультурных и т.д.) [Геннеп, 1999] Как правило, развитию гетеротопии могут способствовать разные, часто не совпадающие или лишь частично пересекающиеся временные ритмы деятельности сообществ, групп или отдельных людей, связанной с данным пространством (утро – вечер, день – ночь). Кроме того, смена исторических эпох часто ведет к трансформациям, искажениям, забвениям старых смыслов и образов; возникновению новых смыслов и образов, связанных с определенным пространством (например, кладбище, лепрозорий, место инициации, центральная площадь, фонтан, пивной павильон, кафе, улица, место около памятника выдающемуся человеку), деритуализациям старых пространств и ритуализациям новых пространств и в итоге формированию сложного конгломерата образно-смысовых конструкций и напластований (отдельные образные «слои» или «пласти» могут соприкасаться лишь хронологически и топографически, никак не сообщаясь в содержательном плане).

В историко-культурном контексте осмысление понятия гетеротопии стало возможным в эпоху модерна, когда вновь реконструируемые, воспроизводимые, воображаемые пространства стали рассматриваться как достаточно автономные – вне жестких профессиональных, бытовых и социокультурных норм и установлений, определявших в том числе и жесткую дифференциацию географического пространства, включая его строгую общественную и сакральную иерархизацию [Подорога, 1993]. Быстрая трансформация понятия гетротопии связана уже с эпохами первичной и вторичной глобализаций конца XIX – начала XXI в.,

когда резкое, взрывное увеличение социальной, профессиональной и географической мобильности, а также интенсивные межкультурные и межцивилизационные контакты создали расширенные урбанистические и субурбанистические пространства, в которых акты индивидуальной и групповой коммуникации воспринимались и воображались уже вне какой-либо общей жесткой системы общественных норм, ритуалов и правил, регулирующей (хотя бы в идеале) все коммуникативные акты без исключения [Bauman, 2000; Bauman, 2007; Bryant, 2007; Pollock, 2007; Lo, 2006]. В известном смысле гетеротопия может рассматриваться как своего рода «шизофрения» геокультурного и геосоциального пространства, как бы продуцирующего «поток» автономных актов сознания, постоянно расщепляющий образ первоначального «материнского» пространства (будь то город в целом или какая-либо его часть, или же загородное пространство) [Lefebvre, 1991; Филиппов, 2002; Филиппов, 2005; Дайс, 2005].

В плане воображения гетеротопия способствует формированию различных метафизик, связанных с конкретным типом пространства или территории вообще, – метафизики города, района, региона, территории, ландшафта [Метафизика..., 1993; Немчинов, 1995]. В плане изучения современных социокультурных практик понятие гетеротопии может использоваться при описаниях и характеристиках различных субкультур, тяготеющих к урбанистическим ареалам и зонам, пространствам крупных городских агломераций и мегаполисов (подростковые и молодежные субкультуры, этнические диаспоры, сообщества спортивных, особенно футбольных болельщиков, иногда религиозные и парарелигиозные секты) [Вахштайн, 2003; Вахштайн, 2004; Рефлексивный...; Urry, 1995]. В качестве прообраза современных гетротопий можно рассматривать различные варианты развития культа гения места, а также формирование культурных гнезд и очагов в провинции [Щукин, 1997]. Понятие и образ гетеротопии является одной из скрытых (латентных) концептуальных основ современной массовой культуры – прежде всего в рамках жанров фэнтези, триллера, хоррора (литература, кино, анимация, комиксы, живопись, визуальные искусства, цифровая фотография, видео-арт и т.д.) [Тимофеева].

Понятие гетеротопии применяется в теоретической и прикладной социологии, культурологии, гуманитарной и имажинальной (образной) географии, социальной географии [Верлен, 2001;

Soja, 1990; Thrift, 1996], теории коммуникации, искусствознании, политологии, философии. Гетеротопии различного социокультурного происхождения в процессе своего развития способствуют формированию устойчивых локальных мифологий, совмещающихся, взаимодействующих и порой конфликтующих на одних и тех же территориях.

Онтологические основания генезиса и развития локальных мифов

Как может быть структурирован локальный миф, как он может быть определен собственно местом, которым он локализуется, ограничивается и даже «рассказывается»? Иначе говоря, как происходит локализация мифа, рождающегося в то же время из «духа места»? Здесь мы должны попытаться проследить некоторые онтологические основания генезиса и развития локальных мифов.

Нет сомнения, что первичные архаичные локальные мифы творились посредством практически тотальной сакрализации окружающего пространства и, соответственно, репрезентирующих его сакральных мест, что многократно описано исследователями первобытных, древних и средневековых мифологий [Элиаде, 1994; Элиаде, 1987; Элиаде, 2000; Хюбнер, 1996; Мелетинский, 1976]. Функционирование и нарративная поддержка однажды созданных локальных мифов осуществлялись благодаря строго регламентированным местным сакральным ритуалам и обрядам; профанные мифы практически отсутствовали или же не имели общественно значимых репрезентаций. Достаточно сложные и неоднозначные локально-мифологические конструкции и конфигурации относятся уже к периоду модерна, когда жизнь многочисленных локальных и региональных сообществ стала определяться не только сакральными, но и профанными локальными мифами, создаваемыми как на основе фольклора, так и на базе быстро развивавшихся светских литературу и искусств. Вместе с тем было бы чересчур прямолинейно целиком отделять профанные локальные мифы от сакральных, поскольку один и тот же сюжет – зачастую фольклорный или чисто религиозный – мог служить как тем, так и другим. Суть происходивших принципиальных трансформаций заключалась, с одной стороны, в изменениях соотношений различных способов

репрезентаций архетипических локальных мифов (уменьшение роли сакральных ритуалов и обрядов, повышение роли светских институций – изданий художественных произведений и фольклорных записей; органов местного и регионального управления, явно или косвенно поддерживающих те или иные вполне профанные или даже «языческие» с точки зрения служителей церкви мифы); с другой стороны, привычные материальные способы репрезентации сакрального мифа – например, установка скульптуры почитаемого местного святого, строительство храма или же памятного монумента в честь произошедшего в данном месте чуда – могли с не меньшим успехом использоваться для фиксации и закрепления профанного мифа (например, установка памятника фольклорному герою или же героям литературного произведения, описывающего конкретное место, наконец создание местного музея, посвященного этим героям и событиям, наименование улицы и т.п.) [Равинский, 2003; Лурье, 2003]. Другое дело, что профанные локальные мифы, так или иначе, со временем не могут избежнуть частичных, фрагментарных, а иногда и очень значительных сакральных репрезентаций и интерпретаций, связанных, например, с ролью какой-либо выдающейся личности в развитии определенного региона или места.

Однако главная онтологическая проблема локальных мифологий эпохи модерна заключается даже не в этом, а в том, что возникает очень неоднородное, сильно стратифицированное, «рельефное» пространство сосуществующих сакральных и профанных локальных мифов, почти не «стыкующихся» друг с другом с точки зрения традиционных телеологических установок и дискурсов. Здесь важно отметить, что речь идет не просто о вполне понятных содержательных и сюжетных противоречиях между различными сакральными и профанными мирами, но об онтологических расхождениях и «разбеганиях» практически любых более или менее похожих по сюжету и содержанию локальных мифов – будь они сакральные или профанные [Барт, 2000; Барт, 2004]. Знаменитый леви-стросовский «брюкколаж» становится почти непригодным при попытках интерпретации многих современных архетипических локальных мифов в силу их сверх- или гиперлокализации – определенное место благодаря сильнейшей мифологической «воздонке» становится как бы единственным, олицетворяющим все пространство в его тотальной неразрывности, континуальности и

целостности – несмотря на иногда совершенно очевидную простоту, исходную географическую распространенность и банальность исходного архетипического мифологического нарратива. Локальные мифологии модерна образуют бесчисленное множество разбегающихся пространств-галактик расширяющегося и в то же время тем самым упорядочивающегося географического воображения; локально-мифологические пространства не создают единого метапространства, однако способствуют развитию все новых и новых семантик возможных миров, в свою очередь продуцирующих последовательности мультиплекативных образно-географических дискурсов (например, современный жанр фэнтези, киберпространства и различные виртуальные пространства, моделируемые кино, видео, Интернетом и т.д.).

Место как мифологическое событие

Как действует локальный миф? Нас здесь интересует не собственно социологические или культурологические основания подобного действия и не какие-либо конкретные социальные, политические, культурные, экономические последствия локально-мифологических построений в жизни региональных сообществ. Проще говоря, мы хотим исследовать место, взятое в его онтологическом срезе, как определенное мифологическое событие [Хайдеггер, 1997; Хайдеггер, 1993; Башляр, 2004; Нанси, 1991; Нанси, 1999; Подорога, 1999; Подорога, 1995; Топоров, 1995; Топоров, 2004].

Понятно, что практически всякий локальный миф в разворачивании своего сюжета опирается на конкретные топонимы и географические реалии, могущие в то же время быть вполне «туманными» и «мало реальными» [Bishop, 1994]. Тем не менее такая топонимическая установка в мифологическом действии и действовании является очень важной, поскольку именно она, в конце концов, обеспечивает нахождение некоего вполне реального места, территории, «ответственной» за поддержание данного мифа [Цивьян, 1999; Цивьян, 1997; Цивьян, 2001; Русская провинция... 2000; Петровский, 2008; Подюков, 2003; Клубков, 2003; Дуброви-

на, 2003 и др.]¹. Но что происходит дальше? Пытаясь обойти чисто социологические объяснения, попробуем проследить условный онтологический «механизм» глубинной локализации мифа.

Территории, места не существует без поддерживающего и «объясняющего» его существования мифа или совокупности, системы мифов. Иначе говоря, именно географическое воображение, взятое в его феноменологически-нarrативном контексте, обеспечивает в итоге реальную географию и топографию региона [Теребихин, 1993; Теребихин, 2004]. Можно при этом довольствоваться довольно простой локально-мифологической «формулой», утверждая, что место плюс (мифологическое) событие есть событие места. Здесь могут быть введены условные когнитивные поправки на мифологичность или легендарность самого события, не подтверждаемого строгими историческими фактами (или, наоборот, хорошо подтверждаемого), однако не эти поправки определяют, по сути, действенность локальных мифов.

Локальный миф, с нашей точки зрения, представляет собой «откровение» места или территории; он есть открытие места миру в его онтологической возможности, и в то же время (или в той же самой вечности) он позволяет утверждаться «своему» месту как Центру мира². Такое локально-мифологическое «центрирование» мест происходит постоянно, порождая при этом совершенно различные социокультурные, политические, экономические последствия и проекции, включая, несомненно, и хорошо известные историкам, филологам и географам «сниженные» краеведческие версии подобных «центрирований»³. Но, так или иначе, локальный миф означает своего рода двойное онтологическое послание,

¹ Крайне важен в данном контексте опыт таких русских писателей, как Александр Чаянов и Михаил Булгаков (Булгаков многим в образном локально-мифологическом отношении обязан именно Чаянову, который, пожалуй, первым сумел в своих московских повестях художественно выразить «дух места» с помощью стилизованных «под XVIII век» страшных историй).

² Об архаических и раннемодерных основаниях сакрально-географического центрирования мира, сопровождаемого соответствующими локальными мифами, см.: [Генон, 2003; Генон, 2004].

³ См. также многочисленные паранаучные исследования, тексты и книги, посвященные сакральным местам, уфологии и современным мифам различных регионов России; в качестве примера: [Павлович, Ратник, 2002; Гаврилов, Чернобров, Климов, 2008]; в более широком контексте: [Чернобров, 2005].

предполагающее «разрыв» казавшегося до того однородным, бесконечно протяженным и однообразным пространства, чьи «складки» или «края» загибаются одновременно и вовнутрь, и вовне – место открывается местному сообществу или какой-то его части как феноменологическая «возвышенность», как непреходящая внутренняя «достопримечательность», определяющая ядерные экзистенциальные смыслы; и место «отпечатывает» или «запечатывает» себя в мире, осознающем свою собственную онтологическую неполноту, пространственную фрагментарность в акте и актом подобного ментального «запечатывания». Нетрудно понять также, что этот мир, отмечаемый непрерывными и параллельными «отпечатками» бесчисленных мест, становится в своем непреходящем и постоянно отодвигаемом результате центром самого себя, центром любого транслокального сообщества, усваивающего и присваивающего очередной, может быть, поначалу чуждый локальный миф [Замятин, 2008]. Итак, посредством онтологизации локальных мифов практически любое место или регион становятся источниками телеологической, по сути, образно-географической «иррадиации»; такая «иррадиация» ведет к транслокализации, пространственному «рассеиванию» самих локальных мифов, способствующих ускоренной динамике и непредвиденным трансформациям географических образов региона¹.

Локальный миф, представленный как онтологическое «открытие места», становится тем самым ахроничным и гетеротопичным². В когнитивно-историческом плане подобный миф может фактически бесконечно распространяться как «вглубь» исторического времени, так и за его пределы, что означает не только всемерное проникновение в условное историческое будущее территории, но и выход в широкое метагеографическое пространство, онтология которого предполагает и полагает «перетекание», замещение, преображение одного места другим как необходимое усло-

¹ Весьма характерно и очень интересно в данной связи современное развитие локальных мифологий на Урале, прежде всего в художественной литературе и эссеистике (здесь в начале XXI в. были наиболее известны произведения Алексея Иванова и Ольги Славниковой); см. также: [Литовская, 2006; Абашев, 2006; Куличкина, 2006; Литовская, 2006; Подлесных, 2006; Соболева, 2006; Николаева, 2006; Митрофанова, 2007; Абашев, 2007 и др.]

² О гетеротопиях см.: [Фуко, 2006; Филиппов, 2002; Вахштайн, 2003; Замятин, 2009].

вие метагеографической экспансии. Иными словами, локальный миф становится средством представить всякое место как Другое; в то же время (если можно говорить о времени локального мифа) любой локальный миф не может существовать, развиваться, функционировать без альтернативных для этого конкретного места, других локальных мифов, «обрамляющих» территорию как поле противоречивых, расходящихся и несовпадающих – содержательно и хронологически – нарративов.

Базовые модели онтологического воображения пространства

Под моделью онтологического воображения в данном случае я понимаю приблизительную схему порождения каким-либо способом (с помощью какого-либо дискурса) автономных образов или образных (образно-символических) систем, сохраняющих, трансформирующих и развивающих в себе феноменологию собственного происхождения как онтологическую «обратную связь». Другими словами, подобные схемы представляют собой предварительные эскизы бытия как образной динамики, в которой расширение любого образа фиксирует изменения онтологии его генезиса.

Первый тип можно назвать моделью «вместилища» – имея в виду ньютоновское понимание пространства как вместилища. Пространство здесь является, по существу, неким онтологическим условием события, его «условным залогом». Естественно, речь идет не о вместилище в смысле физического размещения события или же его развертывания в пространстве, с точки зрения восприятия, динамики обозрения. Пространство мыслится, воображается как *не-бытие* вновь возникающего бытия.

Пространственность осуществляется онтологически как развертывание налагающихся друг на друга, взаимодействующих, трансформирующихся друг другом географических образов. Разворачивание, формирование любого географического образа происходит как своего рода реализация скрытой, латентной программы соположенного, другого географического образа; всякий географический образ фактически немыслим без другого, соседнего образа. Иначе говоря, пространство обретает «свое» время посредством собственной авторепрезентации, становящейся «константой» постоянно растущей и расширяющейся образно-геог-

рафической стратиграфии; в онтологическом смысле это «геологическая библиотека».

Второй тип следует обозначить как модель *сопространственности*. Событие, *со-бытие*, рождаясь, возникая, развиваясь, оказывается *сопространственным* самому себе. Пространство события строится вместе с его контрпространствами; событие продуктивно воображается как свое собственное постоянное расширение, отрицающее свое предыдущее приращение.

Пространственность неустранима местом своего собственного размещения. Место опосредовано самим собой в качестве мира Другого. Другое определяется сопространственностью как бы независимых субъективностей. Субъективности формируются в пространственности дистанцируемых объектов, «игнорирующих» бытийность своих мест. Место объекта выделяется онтологически, но не онтически. Онтикой места объект сопространственен субъекту.

В *третьем типе* мы имеем дело с моделью «ничтойности» (более благозвучный синоним пока подобрать затрудняюсь). Эта модель ориентирована на пространство как *ничто* какого-либо события. Событие «схватывается» в пространстве, но как бы по ту сторону его бытия. Мир бытиен и бытийствует совместностью. Совместность указывает на онтику как непосредственный мир, сам себя опосредующий. Бог совместен самому себе. Пространство «не видит» Бога. Нарастание совместности устраниет «здесь» и «там», оставляя мир как бы вне пространства. Совместность есть местность ничто. Ничто размещается в пространственности мира-после-бытия. Субъективность ничто совмещается с Другим – местом отсутствия. За-бытие, за-бытийность ничтожны в качестве места себя вместо Другого. Другой – со-бытие места ничто.

Гетеротопия и сопространственность: К пониманию семиотики метагеографического воображения

Не стремясь к твердым и окончательным, «раз и навсегда», определениям, постараемся размежевать ключевые концепты в их нерасторжимой пространственности / со-пространственности.

Пространство можно рассматривать как сеть, чьи узлы запутаны, перепутаны. «Пустоты» между запутанными узлами можно

трактовать как места – беспорядочные по видимости ячейки, корреспондирующие между собой посредством узлов-сопротранственостей и основы – «путей». Место не может непосредственно переходить в другое место, не становясь ландшафтом, не обретаясь путешествием, не воображаясь в пространстве / пространством. Всякая удаленность от места, возмешаясь им самим, порождает локальный, местный миф. А пространство пространствует местами, в то время как эти же места «местничают», размещающая сами себя ландшафтами, путешествиями и мифами. Так формируются первичные гетеротопии – как сосуществующие топографические стратификации, репрезентированные образно-пространственно.

Мир есть место бытия. Жизненный мир располагается как место непосредственного отсутствия. «Нехватка» жизни здесь-и-сейчас становится как местность «обмирщения», постоянного нагнетания мировости. Слово «как» феноменологизирует место как избывание, из-бытийность пространственности.

Любое конкретное место имеет различные образно-пространственные «режимы». Город, предместье, пригород, слобода, сельская местность, «дикий» ландшафт или же мегаполис существуют, функционируют, работают одновременно во многих режимах. Гетеротопия накладывается на гетеротопию, не смешиваясь с ней, существуя, «экзистенцируя» в одном и том же условном («физическем» или «картографическом») месте, порождая определенный набор, «веер» пространств, формирующих оригинальные временные последовательности. Мы можем наблюдать здесь своего рода ландшафтные топосы без границ, в которых не время, не конкретная эпоха либо момент, а само место воображается взаимно проникающими ландшафтами. Место граничит само с собой чередой ландшафтов, которые формируются автономно, «с помощью» порой одних и тех же топографических деталей. Онтологизм места выявляется множественностью его автономных ландшафтов, становящихся несмешивающимися гетеротопиями. Гетеротопии сопротранствуют сами себе посредством все умножающихся ландшафтов.

Дискурсивно место может разворачиваться также как анти-место или пара-место; опротранствление захватывает само себя опережающим пред-ставлением, в котором любое место «шире», «больше» себя на то пространство, которое остается как бы позади, рядом, сбоку, «соседствуя» недо-местами и после-местами.

Гетеротопия оказывается, оборачивается пан (у) топией, без которой множественное единство места вытеснялось бы за пределы самого представления: презентация места как единства множеств размещается постоянно уходящей, отдаляющейся совместностью, множающейся, раз-множающейся со-бытием места – места, бытийствующего собственным размещением.

Семантически гетеротопия может обозначать своего рода катастрофизм пространства-как-онтологии – она всякий раз является некий «слом» пространства, мультилицирование пространства-как-места; пространство ищет себя последовательными сериями мест, обретающихся тем не менее в одном месте, едином месте. Место рассматривается пространством как последовательность самого себя; гетеротопия – буквальное исследование места как пространства. Место онтологизируется следами следующего за самим собой пространства. Пространство, сосуществующее само с собой, совмещающееся гетеротопией (причем гетеротопия оказывается, по сути, неизменным онтическим «проектом»), проблематизируется антропологически, попадая тем самым «в створ» всевозможных атропоморфных интерпретаций и контекстов.

Как является гетеротопичность пространства? Как бытийствует пространственность гетеротопии? Как место совмещает пространства? Эти вопросы взаимосвязаны, они – гетеротопичны.

Место не существует одно, оно *обусловлено* другими местами. Сущность места – в его от-граниченности другими местами. В контексте определенного уникального места – другие места как возможность экзистенции. Сгущение, концентрация других мест в «свое» место означает гетеротопию. Всякое место как гетеротопия есть «черная дыра» других мест. Отграничение места от другого места детерминируется приграничностью своего как другого. Если другое место опространствляется как «свое», «мое», то место само по себе – пространство «другого».

Освоение места предполагает разрушение, рассредоточение, растворение его видимой, изначальной по видимости семиотики, его традиционной знаковости. Место как знак другого места означает его выпадение из любой семиотической системы. Означивание местом себя предстает метасемиотическим «отказом», опространствлением знаковости ничто. Место знака замещается не-знаковостью всякой совместности, значение места проявляется пространственностью-без-бытия, иначе: место находится между

бытием-здесь и бытием-там, бытуя вне какой-либо онтической оптики.

Друговость места возникает как нарастающая постепенно гетеротопичность пространства. Гетеротопия обнаруживает, обнажает всякий раз латентную онтологичность пространства, не видимую, забываемую за интенсивными повседневными практиками. Логос места ончен пространственностью Другого, размещающего у-местность забвения бытия.

Топосы личной судьбы могут быть наглядной гетеротопией времени. Я склоняюсь к тому, что пространственное воображение есть реальность «второй гетеротопии», как бы опрокидываемой и в прошлое, и в будущее – в надвигающиеся и затопляющие друг друга «места». Экзистенциальность пространства-как-места реализуется в форме / формах времени-как-отсутствия: время пространства присутствует «местами» экзистенции. Событие исчезает в событии времени пространству.

Как только время начинает пониматься неотъемлемой органикой пространства, становится возможным и нужным понятие метагеографии, а с ним – и метагеографического воображения.

Список литературы

- Абашев В.В. «Какая древняя земля, какая дремучая история, какая неиссякаемая сила...»: геопоэтика как основа geopolитики // Михаил Осоргин: Художник и журналист. – Пермь: Мобиле, 2006. – С. 197–208.
- Абашев В.В. Урал в романе «Доктор Живаго», или Где находится Юрятин? // Литература Урала: история и современность. – Екатеринбург: УрО РАН: Изд. Дом «Союз писателей», 2006. – Вып. 2. – С. 242–250 и др.
- Барт Р. Мифологии. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. – 320 с.
- Барт Р. Империя знаков. – М.: Практис, 2004. – 144 с.
- Башляр Г. Поэтика пространства // Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – С. 5–213.
- Вахштайн В.С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потоки» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. – М., 2004. – Т. 3, № 4. – С. 94–115.
- Вахштайн В.С. Темпоральные механизмы социальной организации пространства: анализ резидентальной дифференциации // Социологическое обозрение. – М., 2003. – Т. 3, № 2. – С. 71–83.
- Верлен Б. Общество, действие и пространство: альтернативная социальная география // Социологическое обозрение. – М., 2001. – Т. 1, № 2. – С. 25–46.

- Гаврилов Л.Г., Чернобров В.А., Климов В.А. Подмосковье: Феномены, аномалии, чудеса: Путеводитель. – М.: Майор, 2008. – 256 с.
- Геннеп А., ван. Обряды перехода. – М.: Восточная литература, 1999. – 198 с.
- Генон Р. Избранные сочинения: Царство количества и знамения времени: очерки об индуизме. Эзотеризм Данте. – М.: Беловодье, 2003. – С. 32–39, 135–145.
- Генон Р. Символика креста. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 703 с.
- Дайс Е. Украинский Орфей в московском аду, или Путь поэта // Гуманитарная география: научный и культурно-просветительский альманах. – М.: Институт наследия, 2005. – Вып. 2. – С. 113–168.
- Дубровина С.Ю. Микротопонимика Тамбова // Современный городской фольклор. – М.: Изд-во РГГУ, 2003. – С. 477–487.
- Замятин Д. Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города // Гуманитарная география: научный и культурно-просветительский альманах. – М.: Институт наследия, 2005. – Вып. 2. – С. 276–323.
- Замятин Д., Замятина Н. Имиджевые ресурсы территории: идентификация, оценка, разработка и подготовка к продвижению имиджа // Гуманитарная география: научный и культурно-просветительский альманах. – М.: Институт наследия, 2007. – Вып. 4. – С. 227–250.
- Замятин Д.Н. Гетеротопия: материалы к словарю гуманитарной географии // Гуманитарная география: научный и культурно-просветительский альманах. – М.: Институт наследия, 2009. – Вып. 5. – С. 215–216.
- Замятин Д.Н. Пространство как образ и трансакция: к становлению геономики // Общественные науки и современность. – М., 2008. – № 2. – С. 129–143.
- Замятина Н.Ю. Использование образов мест в преподавании страноведения и граведения // Гуманитарная география: научный и культурно-просветительский альманах. – М.: Институт наследия, 2004. – Вып. 1. – С. 311–327.
- Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 576 с.
- Клубков П.А., Лурье В.Ф. Разговорные топонимы как явление фольклора // Современный городской фольклор. – М.: Изд-во РГГУ, 2003. – С. 450–460.
- Куличкина Г.В. Пермь как миф и факт: по страницам мемуарной прозы М. Осоргина // Михаил Осоргин: Художник и журналист. – Пермь: Мобиле, 2006. – С. 113–125.
- Литовская М.А. Литературная борьба за определение статуса территории: Ольга Славникова – Алексей Иванов // Литература Урала: история и современность. – Екатеринбург: УрО РАН: Изд. Дом «Союз писателей», 2006. – Вып. 2. – С. 66–76.
- Литовская М.А. Проблема формирования региональной мифологии: проект П.П. Бажова // Михаил Осоргин: Художник и журналист. – Пермь: Мобиле, 2006. – С. 188–197.
- Ло Дж. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. – М., 2006. – Т. 5, № 1. – С. 30–42.
- Лурье В.Ф. Памятник в городе: ритуально-мифологический контекст // Современный городской фольклор. – М.: Изд-во РГГУ, 2003. – С. 420–430.

- Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы / Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. – 371 с.
- Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976. – 470 с.
- Метафизика Петербурга. – СПб.: ФКИЦ «Эйдос», 1993. – 315 с. – (Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры; вып. 1).
- Митин И.И.* Воображая город: ускользающий Касимов // Вестник Евразии. – М., 2007. – № 1 (35). – С. 5–27.
- Митин И.И. На путях к мифогеографии России: «игры с пространством» // Вестник Евразии. – М., 2004. – № 3. – С. 140–161.
- Митрофанова Л.М.* Башкирский образ мира в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка // Литература Урала: история и современность. – Екатеринбург: УрО РАН: Изд. Дом «Союз писателей», 2007. – Вып. 3, т. 2. – С. 217–227.
- Нанси Ж.-Л.* Corpus. – М.: Ad Marginem, 1999. – 256 с.
- Нанси Ж.-Л.* О со-бытии // Философия Мартина Хайдеггера и современность: сборник / АН СССР. Ин-т философии; отв. ред. Мотрошилова Н.В. – М.: Наука, 1991. – С. 91–102.
- Немчинов В.М.* Метафизика города // Город как социокультурное явление исторического процесса / ред. кол.: Глазычев В.Л., Гольц Г.А., Карпов С.П., Князевская Т.Б., Сайко Э.В., Ястребицкая А.Л. – М.: Наука, 1995. – С. 234–240.
- Николаева Н.Г.* «Земля Обетованная» – мифопоэтический образ Оренбургской губернии в «семейной хронике» С.Т. Аксакова // Литература Урала: история и современность. – Екатеринбург: УрО РАН: Изд. Дом «Союз писателей», 2006. – Вып. 2. – С. 236–244.
- Павлович И., Ратник О.* Миражи над Жигулями: (Современные мифы Поволжья: загадки, поиски, гипотезы). – Самара: Изд-во «НТЦ», 2002. – 124 с.
- Петровский М.* Мастер и Город: Киевские контексты Михаила Булгакова. – Изд. 2-е, расшир. и доп. – М.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. – 464 с.
- Подлесных А.С.* Кама в художественном пространстве романа А. Иванова «Чердынь – княгиня гор» // Литература Урала: история и современность. – Екатеринбург: УрО РАН: Изд. Дом «Союз писателей», 2006. – Вып. 2. – С. 76–81.
- Подорога В.А.* Еректио. Гео-логия языка и философствование Хайдеггера // Corpus. – М.: Ad Marginem, 1999. – С. 101–121.
- Подорога В.А.* Выражение и смысл: Ландшафтные миры философии. – М.: Ad Marginem, 1995. – 427 с.
- Подорога В.А.* Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX вв. – М.: Наука, 1993. – 319 с.
- Подюков И.А.* Современное городское топонимическое творчество // Современный городской фольклор / редкол.: А.Ф. Белоусов, И.С. Веселова, С.Ю. Неклюдов. – М.: Изд-во РГГУ, 2003. – С. 460–477.
- Равинский Д.К.* Городская мифология // Современный городской фольклор / редкол.: А.Ф. Белоусов, И.С. Веселова, С.Ю. Неклюдов. – М.: Изд-во РГГУ, 2003. – С. 409–420.

- Рахматуллин Р. Небо над Москвой. Второй Иерусалим Михаила Булгакова // Ex libris НГ. Книжное обозрение к «Независимой газете». – 2001. – 24.05. – С. 3.
- Рахматуллин Р. Три мифа Малоярославца // Гуманитарная география: научный и культурно-просветительский альманах. – М.: Институт наследия, 2004. – Вып. 1. – С. 210–218.
- Рефлексивный мониторинг публичных мест: логика места и гетеротопология пространства. Проект Центра фундаментальной социологии ГУ-ВШЭ. – Режим доступа: https://cfs.hse.ru/projects_hetero_2007
- Русская провинция: миф – текст – реальность / сост. А.Ф. Белоусов, Т.В. Цивьян. – М.; СПб.: Лань, 2000. – 491 с.
- Соболева Е.Г. Формирование мифа «Екатеринбург – третья столица» в текстах СМИ // Литература Урала: история и современность. – Екатеринбург: УрО РАН: Изд. Дом «Союз писателей», 2006. – Вып. 2. – С. 95–103.
- Теребихин Н.М. Метафизика Севера. – Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 2004. – 271 с.
- Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера: Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры. – Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1993. – 220 с.
- Тимофеева О. Гетеротопики о гетеротопиях. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2007/6/geterotopiki-o-geterotopiyah-mezhdisciplinarnaya-konferenciya-geterotopii.html>
- Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – 624 с.
- Топоров В.Н. О понятии места, его внутренних связях, его контексте (значение, смысл, этимология) // Язык культуры: семантика и грамматика. – М.: Индрик, 2004. – С. 12–107.
- Филиппов А.Ф. Гетеротопология родных просторов // Отечественные записки. – М., 2002. – № 6 (7). – С. 48–63.
- Филиппов А.Ф. Пространство политических событий // Полис. Политические исследования. – М., 2005. – № 2. – С. 6–25.
- Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 333 с.
- Фуко М. Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть. – М.: Праксис, 2006. – Ч. 3: Статьи и интервью. 1970–1984. – С. 191–205.
- Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997. – 452 с.
- Хайдеггер М. Искусство и пространство // Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 312–316.
- Хюбнер К. Истина мифа. – М.: Республика, 1996. – 448 с.
- Цивьян Т.В. «Рассказали страшное, дали точный адрес...» (к мифологической топографии Москвы) // Лотмановский сборник. – М.: Изд-во РГГУ: изд-во «ИЦ-Гарант», 1997. – Т. 2 / сост. Е.В. Пермяков. – С. 599–615.
- Цивьян Т.В. Движение и путь в балканской картине мира. Исследования по структуре текста. – М.: Индрик, 1999. – 374 с.
- Цивьян Т.В. Семиотические путешествия. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. – 248 с.

- Чернобров В.А. Энциклопедия загадочных мест мира. – М.: Вече, 2005. – 525 с.
- Шукин В. Миф дворянского гнезда: геокультурологическое исследование по русской классической литературе. – Краков: Изд-во Ягеллонского ун-та, 1997. – 315 с.
- Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Академический проект, 2000. – 224 с.
- Элиаде М. Космос и история: Избранные работы. – М.: Прогресс, 1987. – 312 с.
- Элиаде М. Священное и мирское. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.
- Bauman Z. Liquid Arts // *Theory Culture & Society*. – L.: Pinguin, 2007. – Vol. 24, N 1, January 2. – P. 117–127.
- Bauman Z. *Liquid Modernity*. – Cambridge: Polity, 2000. – 240 p.
- Bishop P. *Residence on Earth: anima mundi and a sense of geographical ‘belonging’* // *Ecumene: A journal of environment, culture, meaning*. – 1994. – Vol. 1, N 1. – P. 51–65.
- Bryant A. *Liquid Modernity. Complexity and Turbulence* // *Theory Culture & Society*. – L.: Pinguin, 2007. – Vol. 24, N 1, January. – P. 127–137.
- Cosgrove D.E. *Social Formation and Symbolic Landscape*. – Totowa, NJ: Barnes and Noble Books, 1984. – 293 p.
- Lefebvre H. *The Production of Space*. – Oxford: Blackwell, 1991. – 465 p.
- Pollock G. *Liquid Modernity and Cultural Analysis: An Introduction to a Transdisciplinary Encounter* // *Theory Culture & Society*. – L.: Pinguin, 2007. – Vol. 24, N 1, January. – P. 111–117.
- Soja E.W. *Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social theory*. – L.: Verso, 1990. – 266 p.
- Studing Cultural Landscapes / ed. by I. Robertson and P. Richards. – N.Y.: Oxford University Press, 2003. – 199 p.
- Thrift N. *Spatial formations*. – L. etc.: SAGE, 1996. – 384 p.
- Tuan Yi-Fu. *Space and Place. The Perspective of Experience*. – 9th ed. – Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 2002. – 136 p.
- Urry J. *Consuming Places*. – L.; N.Y.: Routledge, 1995. – 272 p.

References

- Abashev, V.V. (2006). «Kakaya drevnyaya zemlya, kakaya dremuchaya istoriya, kakaya neissyakaemaya sila...»: geopolitika kak osnova geopolitiki. In *Mihail Osorгин: Hudozhnik i zhurnalista* (pp. 197–208). Perm': Mobile.
- Abashev, V.V. (2006). Ural v romane «Doktor Zhivago», ili Gde nahoditsya Yuryatin? *Literatura Urala: istoriya i sovremennost'*, (2), 242–250 i dr.
- Bart, R. (2000). *Mifologii*. M.: Izd-vo im. Sabashnikovyh.
- Bart, R. (2004). *Imperiya znakov*. M.: Praksis.
- Bashlyar, G. (2004). Poetika prostranstva. In Bashlyar G. *Izbrannoe: Poetika prostranstva* (pp. 5–213). M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN).
- Vahshtajn, V.S. (2004). Vozvrashchenie material'nogo. «Prostranstva», «seti», «potoki» v aktorno-setevoj teorii. *Sociologicheskoe obozrenie*, 3(4), 94–115.
- Vahshtajn, V.S. (2003). Temporal'nye mekhanizmy social'noj organizacii prostranstva. Analiz rezidental'noj differenciacii. *Sociologicheskoe obozrenie*. – 3(2), 71–83.

- Verlen, B. (2001). Obshchestvo, dejstvie i prostranstvo. Al'ternativnaya social'naya geografiya. *Sociologicheskoe obozrenie*, 1(2), 25–46.
- Gavrilov, L.G., Chernobrov, V.A. & Klimov, V.A. (2008). *Podmoskov'e: Fenomeny, anomalii, chudesna. Putevoditel'*. M.: Major.
- Gennep, A., van. (1999). *Obryady perekhoda*. M.: Vostochnaya literatura.
- Genon, R. (2003). *Izbrannye sochineniya: Carstvo kolichestva i znameniya vremeni. Ocherki ob induizme. Ezoterizm Dante*. M.: «Belovod'e».
- Genon, R. (2004). *Simvolika kresta*. M.: Progress-Tradiciya.
- Dajs, E. (2005). Ukrainskij Orfej v moskovskom adu, ili Put' poeta. *Gumanitarnaya geografiya. Nauchnyj i kul'turno-prosvetitel'skij al'manah*, (2), 113–168.
- Dubrovina, S. Yu. (2003). Mikroponimika Tambova. *Sovremennyj gorodskoj fol'klor* (pp. 477–487). M.: Izd-vo RGGU.
- Zamyatin, D. (2005). Lokal'nye istorii i metodika modelirovaniya gumanitarno-geograficheskogo obraza goroda. *Gumanitarnaya geografiya. Nauchnyj i kul'turno-prosvetitel'skij al'manah*, (2), 276–323.
- Zamyatin, D. & Zamyatina, N. (2007). Imidzhevye resursy territorii: identifikaciya, ocenka, razrabotka i podgotovka k prodvizheniyu imidzha. *Gumanitarnaya geografiya. Nauchnyj i kul'turno-prosvetitel'skij al'manah*, (4), 227–250.
- Zamyatin, D.N. (2009). Geterotopiya. Materialy k slovaryu gumanitarnoj geografii. *Gumanitarnaya geografiya. Nauchnyj i kul'turno-prosvetitel'skij al'manah*, (5), 215–216.
- Zamyatin, D.N. (2008). Prostranstvo kak obraz i transakciya: k stanovleniyu geonomiki. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, (2), 129–143.
- Zamyatina, N. Yu. (2004). Ispol'zovanie obrazov mest v prepodavanii stranovedeniya i gradovedeniya. *Gumanitarnaya geografiya. Nauchnyj i kul'turno-prosvetitel'skij al'manah*, (1), 311–327.
- Kaganskij, V.L. (2001). *Kul'turnyj landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Klubkov, P.A. & Lur'e, V.F. (2003). Razgovornye toponimy kak yavlenie fol'klora. *Sovremennyj gorodskoj fol'klor* (pp. 450–460). M.: Izd-vo RGGU.
- Kotler, F., Asplund, K., Rejn, I. & Hajder D. (2005). *Marketing mest. Privlechenie investicij, predpriyatiij, zhitelej i turistov v goroda, kommuny, regiony i strany Evropy*. SPb.: Stokhol'mskaya shkola ekonomiki v Sankt-Peterburge.
- Kulichkina, G.V. (2006). Perm' kak mif i fakt: po stranicam memuarnoj prozy M. Osorgina. *Mihail Osorgin: Hudozhnik i zhurnalista* (pp. 113–125). Perm': Mobile.
- Litovskaya, M.A. (2006). Literaturnaya bor'ba za opredelenie statusa territorii: Ol'ga Slavnikova – Aleksej Ivanov. *Literatura Urala: istoriya i sovremennost'*, (2), 66–76.
- Litovskaya, M.A. (2006). Problema formirovaniya regional'noj mifologii: proekt P.P. Bazhova. *Mihail Osorgin: Hudozhnik i zhurnalista* (pp. 188–197). Perm': Mobile.
- Lo, Dzh. (2006). Ob"ekty i prostranstva. *Sociologicheskoe obozrenie*, 5(1), 30–42.
- Lur'e, V.F. (2003). Pamyatnik v gorode: Ritual'no-mifologicheskij kontekst. *Sovremennyj gorodskoj fol'klor* (pp. 420–430). M.: Izd-vo RGGU.
- Meletinskij, E.M. (1976). *Poetika mifa*. M.: Nauka.
- Metafizika Peterburga. (1993). (*Peterburgskie chteniya po teorii, istorii i filosofii kul'tury*, (1)). SPb.: FKIC «Ejdos».

- Mitin, I.I. (2007). Voobrazhaya gorod: uskol'zayushchij Kasimov. *Vestnik Evrazii*, (1), 5–27.
- Mitin, I.I. (2004). Na puti k mifogeografii Rossii: «igry s prostranstvom». *Vestnik Evrazii*, (3), 140–161.
- Mitrofanova, L.M. (2007). Bashkirskij obraz mira v tvorchestve D.N. Mamina-Sibiryaka. *Literatura Urala: istoriya i sovremennost'*, (3), Vol. II, 217–227.
- Nansi, Zh.-L. (1999). *Corpus*. M.: Ad Marginem.
- Nansi, Zh.-L. (1991). O so-bytii. *Filosofiya Martina Hajdegera i sovremennost'*: *Sbornik AN SSSR, In-t filosofii* (pp. 91–102). M.: Nauka.
- Nemchinov, V.M. (1995). Metafizika goroda. In Glazychev V.L. i dr. *Gorod kak socio-kul'turnoe yavlenie istoricheskogo processa* (pp. 234–240). M.: Nauka.
- Nikolaeva, N.G. (2006). «Zemlya Obetovannaya» – mifopoeticeskij obraz Orenburgskoj gubernii v «semejnoj hronike» S.T. Aksakova. *Literatura Urala: istoriya i sovremennost'*, (2), 236–244.
- Pavlovich, I. & Ratnik, O. (2002). *Mirazhi nad Zhigulyami*. (Sovremennye mify Povolzh'ya: zagadki, poiski, gipotezy). Samara: Izd-vo «NTC».
- Petrovskij, M. (2008). *Master i Gorod: Kievskie konteksty Mihaila Bulgakova* (2nd ed.). M.: Izd-vo Ivana Limbaha.
- Podlesnyh, A.S. (2006). Kama v hudozhestvennom prostranstve romana A. Ivanova «Cherdyn' – knyaginya gor». *Literatura Urala: istoriya i sovremennost'* (2), 76–81.
- Podoroga, V.A. (1999). Erectio. Geo-logiya yazyka i filosofstvovanie Hajdegera. *Corpus* (pp. 101–121). M.: Ad Marginem.
- Podoroga, V.A. (1995). *Vyrazhenie i smysl: Landshaftnye miry filosofii*. M.: «Ad Marginem».
- Podoroga, V.A. (1993). *Metafizika landshafta. Kommunikativnye strategii v filosofskoj kul'ture XIX–XX vv.* M.: Nauka.
- Podyukov, I.A. (2003). Sovremennoe gorodskoe toponimicheskoe tvorchestvo. In A.F. Belousov, I.S. Veselova & S. Yu. Neklyudov (Eds.), *Sovremennyj gorodskoj fol'klor* (pp. 460–477). M.: Izd-vo RGGU.
- Ravinskij, D.K. (2003). Gorodskaya mifologiya. In A.F. Belousov, I.S. Veselova & S. Yu. Neklyudov (Eds.), *Sovremennyj gorodskoj fol'klor* (pp. 409–420). M.: Izd-vo RGGU.
- Rahmatullin, R. (2001, May 24). Nebo nad Moskvoj. Vtoroj Ierusalim Mihaila Bulgakova. *Ex libris NG. Knizhnoe obozrenie k «Nezavismoj gazete»*, p. 3.
- Rahmatullin, R. (2004). Tri mifa Maloyaroslavca. *Humanitarnaya geografiya. Nauchnyj i kul'turno-prosveritel'skij al'manah*, (1), 210–218.
- Refleksivnyj monitoring publichnyh mest: logika mesta i geterotopologiya prostranstva. Proekt Centra fundamental'noj sociologii GU-VShE. Retrieved from https://cfs.hse.ru/projects_hetero_2007
- Belousov, A.F. & Civ'yan, T.V. (compilers). (2000). *Russkaya provinciya: mif – tekst – real'nost'*. M., SPb.: izd-vo «Lan».
- Soboleva, E.G. (2006). Formirovaniye mifa «Ekaterinburg – tret'ya stolica» v tekstah SMI. *Literatura Urala: istoriya i sovremennost'*, (2), 95–103.
- Terebikhin, N.M. (2004). *Metafizika Severa*. Arhangelsk: Izd-vo Pomorskogo un-ta.

- Terebihin, N.M. (1993). *Sakral'naya geografiya Russkogo Severa: Religioznomifologicheskoe prostranstvo severnorusskoj kul'tury*. Arhangel'sk: Izd-vo Pomorskogo un-ta.
- Timofeeva, O. *Geterotopiki o geterotopiyah*. Retreived from <https://magazines.gorky.media/nlo/2007/6/geterotopiki-o-geterotopiyah-mezhdisciplinarnaya-konferenciya-geterotopii.html>
- Toporov, V.N. (1995). *Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe*. M.: Izd. gruppa «Progress» – «Kul'tura».
- Toporov, V.N. (2004). O ponyatii mesta, ego vnutrennih svyazyah, ego kontekste (znachenie, smysl, etimologiya). *Yazyk kul'tury: semantika i grammatika* (pp. 12–107). M.: Indrik.
- Filippov, A.F. (2002). Geterotopologiya rodnyh prostorov. *Otechestvennye zapiski*, (6), 48–63.
- Filippov, A.F. (2005). Prostranstvo politicheskikh sobytij. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (2), 6–25.
- Nora, P., Ozuf, M., Pyuimezh, Zh. de & Vinok, M. (1999). *Franciya-pamyat'*. SPb.: Izd-vo SPbGU.
- Fuko, M. Drugie prostranstva. In M. Fuko, *Intellektualy i vlast'* (Ch. 3, *Stat'i i interv'yu. 1970–1984*) (pp. 191–205). M.: Praksis.
- Hajdeger, M. (1997). *Bytie i vremya*. M.: Ad Marginem.
- Hajdeger, M. (1993). Iskusstvo i prostranstvo. In M. Hajdeger, *Vremya i bytie* (pp. 312–316). M.: Respulika.
- Hyubner, K. (1996). *Istina mifa*. M.: Respulika.
- Civ'yan, T.V. (1997). «Rasskazali strashnoe, dali tochnyj adres...» (k mifologicheskoy topografiy Moskvy). In E.V. Permyakov (comp.), *Lotmanovskij sbornik*, (Vol. 2, pp. 599–615). M.: Izd-vo RGGU, izd-vo «IC-Garant».
- Civ'yan, T.V. (1999). *Dvizhenie i put' v balkanskoj kartine mira. Issledovaniya po strukture teksta*. M.: Izd-vo «Indrik».
- Civ'yan, T.V. (2001). *Semioticheskie puteshestviya*. SPb.: Izd-vo Ivana Limbaha.
- Chernobrov, V.A. (2005). *Enciklopediya zagadochnyh mest mira*. M.: Veche.
- Shchukin, V. (1997). *Mif dvoryanskogo gnezda. Geokul'turologicheskoe issledovanie po russkoj klassicheskoy literature*. Krakov: Izd-vo Yagellonskogo un-ta.
- Eliade, M. (2000). *Aspekty mifa*. M.: Akademicheskij proekt.
- Eliade, M. (1987). *Kosmos i istoriya: Izbrannye raboty*. M.: Progress.
- Eliade, M. (1994). *Svyashchennoe i mirskoe*. M.: Izd-vo MGU.
- Bauman, Z. (2007). Liquid Arts. *Theory Culture & Society*, 24 (1), Jan., 117–127.
- Bauman, Z. (2007). Liquid Arts. *Theory Culture & Society*, 24 (1), Jan., 117–127.
- Bauman, Z. (2000). *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity.
- Bishop, P. (1994). Residence on Earth: *anima mundi* and a sense of geographical ‘belonging’. *Ecumene. A journal of environment, culture, meaning*, 1(1), 51–65.
- Bryant, A. (2007). Liquid Modernity. Complexity and Turbulence. *Theory Culture & Society*, 24(1), Jan., 127–137.
- Cosgrove, D.E. (1984). *Social Formation and Symbolic Landscape*. Totowa, NJ: Barnes and Noble Books.
- Lefebvre, H. (1991). *The Production of Space*. Oxford: Blackwell.

- Pollock, G. (2007). Liquid Modernity and Cultural Analysis: An Introduction to a Transdisciplinary Encounter. *Theory Culture & Society*, 24 (1), Jan., 111–117.
- Soja, E.W. (1990). *Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social theory*. L.: Verso.
- Robertson, I. & Richards, P. (Eds.). (2003). *Studying Cultural Landscapes*. N.Y.: Oxford University Press.
- Thrift, N. (1996). *Spatial formations*. L. etc.: SAGE.
- Tuan, Yi-Fu. (2002). *Space and Place. The Perspective of Experience*. 9 th ed. Minneapolis – L.: University of Minnesota Press.
- Urry, J. (1995). *Consuming Places*. L. & N.Y.: Routledge.